

Правосубъектность физического лица в системе цифровых отношений: исходная точка правового регулирования

Е.А. Мамай

Нижегородская академия МВД России

mamai_ea@mail.ru

Аннотация

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий влечет за собой изменение сущности многих общественных отношений, которые из реального мира переносятся в виртуальный. Несмотря на всеобъемлющий характер новаций, сопряженных с цифровыми технологиями (цифровизация публичных услуг, электронная цифровая подпись, цифровые права, токенизация гражданских правоотношений и т.д.) законодательное регулирование указанной сферы происходит со значительным временным отставанием. Ежегодно только через профильный комитет Государственной Думы (по информационной политике, информационным технологиям и связи) проходят десятки законопроектов, однако по-прежнему федеральное законодательное регулирование отношений в цифровой сфере отличается фрагментарностью и несистемностью. Особенно ярко указанный недостаток проявляется в контексте правового регулирования статуса участников отношений, возникающих в сети Интернет, в том числе физических лиц. Целью публикации является обоснование необходимости доктринального определения и нормативного закрепления правосубъектности физических лиц как участников правовых отношений в цифровой сфере. Методология исследования базируется на применении формально-юридического (догматического) метода научного познания, системном анализе отечественного законодательства, сравнительно-правовом и юридикто-техническом анализе текстов законов и иных документов. В статье проводится анализ отечественного и зарубежного опыта правового регулирования правосубъектности участников отношений в цифровой среде. По мнению автора, отсутствие комплексных решений и несформированность общего подхода к регулированию статуса личности в цифровом пространстве имеет долговременные негативные последствия. Комплексные решения возникающих проблем должны находить свое отражение в едином нормативном правовом акте, нацеленном на системное регулирование общественных отношений в цифровой сфере. Цифровые права и обязанности пользователей сети Интернет должны быть приведены в систему, увязанную, прежде всего, с возрастным и гражданско-правовым статусом лица. На законодательном уровне необходимо определить требования к процедурам и критериям идентификации пользователей сети Интернет, обеспечению защиты персональных и вычисляемых данных позволяющих установить личность физического лица путем сбора о нем сведений. Решение указанных задач невозможно без установления общих начал правового регулирования, в том числе требований правосубъектности.

Ключевые слова: физическое лицо, правосубъектность, правоспособность, деликтоспособность, цифровая личность, цифровые права, Интернет

Библиографическая ссылка: Мамай Е.А. Правосубъектность физического лица в системе цифровых отношений: исходная точка правового регулирования // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 5 (Труды XXIV

Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2021, Санкт-Петербург, 24 – 26 июня 2021 г. Сборник научных статей). — СПб.: Университет ИТМО, 2021. С. 45 – 62. DOI: 10.17586/2541-979X-2021-5-45-62

1. Введение

В цифровую эпоху для полноценного построения отношений между обществом и государством требуется не только развитие технологического процесса, но и продуманное, гармоничное правовое регулирование. Только за прошедшее десятилетие информационное пространство разных стран мира не раз сотрясали скандалы, связанные с недостаточной урегулированностью отношений в цифровой среде и использованием информационно-телекоммуникационных средств в неправомερных целях. Так, в 2018 году громкое расследование в отношении компании «Cambridge Analytica», которая собирала и в последующем продавала персональную информацию о пользователях социальной сети Facebook, привело к прекращению деятельности этой фирмы.

Развитие технологий сегодня оказывает все большее влияние на пути и способы взаимодействия личности, общества и государства. Ведущие государства мира давно осознали значение и нашли способы эффективного приложения потенциала информационно-телекоммуникационных технологий к целям государственного управления. Россия в этом контексте является скорее «догоняющим» государством, хотя в силу значительного интеллектуального потенциала, прежде всего, в лице специалистов в сфере информационных технологий, данное отставание постепенно сокращается.

В сфере права и государственного управления проблема осознания новых реалий, характеризуется системными проблемами, вызванными стремительным развитием цифровых технологий, за которым отечественное законодательство движется на правах догоняющего. При этом возникает парадоксальная ситуация. С одной стороны, само законодательство и тем более подзаконное регулирование вынуждено развиваться темпами, опережающими отечественную правовую науку, что влечет за собой фрагментарное, разрозненное, несистемное регулирование новых общественных отношений. С другой стороны, отечественная юридическая доктрина в силу присущей ей консервативности и еще большей инертности, вместо того, чтобы направлять развитие нормативного регулирования, вынуждена следовать ему, пытаясь подстроиться под уже сложившиеся реалии и собрать из изначально разрозненных и невзаимосвязанных фрагментов единую картину понимания мира.

Классическая теория права, рассматривающая в качестве права «совокупность норм, регулирующих отношения, складывающиеся между субъектами по поводу определенного объекта» [1, с. 6], в цифровую эпоху нуждается если не в принципиальном изменении, то, как минимум, в существенном уточнении. Наиболее ярко проблема правового регулирования сферы информационно-телекоммуникационных технологий отражается в контексте определения места и сущности человека, личности в мире Интернет-технологий. Обращение особого внимания на человека как субъекта общественных отношений вызывает неоспоримый интерес ввиду нескольких обстоятельств. Во-первых, любая система нормативного регулирования, в конечном итоге, направлена на поведение человека. В юридической науке принято подразделять все действующие в обществе нормы на две большие группы: социальные, к которым относятся в числе прочих и правовые нормы, а также технические, которыми условно охватываются и сугубо технические, и санитарно-гигиенические, и экологические, и прочие «несоциальные» нормы [2, с. 212–213]. Если первой группой регулируются отношения между людьми и их коллективами, то для технических норм предмет регулирования составляют отношения человека и объектов внешнего мира, природы, техники (отношение типа «человек-машина», «человек и орудие труда» и пр.). Во-вторых, информационные технологии меняют самого человека в его

привычках, способах и приемах поведения, создавая новую среду существования, в которой человек проводит значительную часть своей жизни и к которой он вынужден приспосабливаться. В-третьих, постепенное развитие технологий ведет к изменению самой сути взаимоотношений, в которых существует человек: несмотря на сохранение субъектно-объектного их характера, условный «человек» и условная «машина» меняются в них местами, и человек все чаще становится объектом воздействия со стороны нейронных сетей и искусственного интеллекта. Наконец, полноценное взаимодействие граждан и государства в цифровой среде невозможно без установления высокого уровня доверия к используемым технологиям и понимания ключевых рисков цифровизации, заложенных в неопределенности исходного статуса личности, как субъекта цифровых отношений. Спектр сопряженных с указанными обстоятельствами проблем не ограничивается вопросами цифрового неравенства, доступности публичных услуг или участия в управлении обществом, но, в самом крайнем своем проявлении, может нести в себе непосредственные угрозы самой человеческой личности, ее чести, достоинству, здоровью и даже жизни. Указанные обстоятельства в своей совокупности требуют предметного осмысления в юридической науке и адекватного отражения в правовых нормах места личности в системе правовых отношений цифровой эпохи.

2. Основное содержание

2.1. Методология исследования правосубъектности физического лица в электронной среде

Методы теоретического познания права в целом, равно как и применение общих, специальных и частных методов на уровне эмпирических исследований, составляют одни из основных направлений современных метатеоретических исследований правовой науки [3, с. 429; 4]. Следует отметить, что методология юридического исследования во многом сама по себе представляет нерешенную задачу в силу специфики предмета изучения и доступного арсенала средств познания. В отличие от технических наук юридическая наука сталкивается с проблемой познания поведения людей и возможностью изменения существующего состояния общественных отношений посредством, прежде всего, нормативного правового регулирования. Сложность такого познания обусловлена влиянием множества факторов, определяющих текущее состояние и направления развития общественных отношений, и лишь часть из них имеет явно выраженную правовую природу. Исследование цифровой среды с точки зрения права представляет собой еще большую методологическую сложность, поскольку в ней с механизмами нормативного регулирования тесно переплетаются сугубо психологические, поведенческие аспекты, а также факторы технического характера, предопределяющие практические горизонты реализации намеченных правовых мер.

Ключевая методологическая проблема исследования правовых явлений в среде электронной коммуникации определяется особенностью ее восприятия людьми. Общественные отношения, возникающие в электронной (цифровой) среде в силу их виртуального характера воспринимаются многими принципиально иначе с точки зрения их предпосылок, содержания и последствий. Уровень вовлеченности современного общества в цифровые отношения особенно в условиях роста количества мобильных устройств коммуникации зачастую самим этим обществом в полной мере не осознается. Так, согласно опросу, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 77% респондентов признают, что легко могут обойтись без Интернета, однако различного рода вещи, обеспечиваемые посредством информационно-телекоммуникационных технологий, значительная часть населения определяет как важную часть своей жизни [5].

Согласно данному опросу не могут обойтись без книг 22% респондентов, музыки – 25%, мобильного телефона – 36 %, новостей – 27 %, телевизора – 40%, общения – 65%. Доля людей, которые перечисленные блага не считают критически необходимыми, но важными для жизни, как правило, составляет такое же или даже большее количество процентов. При всем этом зависимость от каких-либо предметов и факторов отрицают 60% опрошенных. Таким образом, исходная гипотеза настоящего исследования состоит в том, что вовлеченность современных людей в цифровые отношения и Интернет-коммуникацию весьма велика, однако осознают данный факт далеко не все граждане.

Вторая гипотеза проистекает непосредственно из первой и состоит в том, что многими гражданами сфера Интернета, общественные отношения, возникающие в цифровой среде, воспринимаются как «параллельная реальность», не имеющая точек пересечения с реальной жизнью людей в «мире вещей» и не несущая в себе никаких угроз для них. В опросе, проведенном в 2018 году ВЦИОМ совместно с Проектным офисом по реализации национальной программы «Цифровая экономика» Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, респонденты продемонстрировали достаточно равнодушное отношение к использованию их персональной информации третьими лицами. В ходе опроса пользователи социальных сетей высказали мнение, что размещаемая ими информация скорее не используется третьими лицами - 20% опрошенных, определенно не используется – 14%, затруднились ответить на вопрос – 11%. При всем этом безразличие к потенциальной возможности использования персональных данных высказали 36% респондентов, а каждый второй (52%) считает, что использование таких сведений третьими лицами не несет никакой угрозы для них или их семей [6].

Третья гипотеза настоящего исследования отражает восприятие населением необходимости правового регулирования цифровой среды. Осуществление такового, мы смеем предположить, считает необходимым лишь незначительная часть населения нашей страны. Важно отметить, что электронная среда как сфера соприкосновения социальной и технической сферы сама по себе устанавливает условия взаимодействия человека и компьютерных систем, что определяет сущностную ограниченность средств правового регулирования:

- цифровая среда развивается темпами, опережающими развитие социального, в том числе и правового, регулирования («цифра опережает букву (закона)»);
- не все, что происходит в цифровой среде, может контролироваться на национальном уровне («власти не всемогущи»);
- не все технические аспекты функционирования Интернета могут быть и должны быть ограничены нормативно-правовыми средствами («закон не всемогущ»);
- наложение запретов на функционирование цифровой среды может повлечь ущемление интересов субъектов экономической деятельности («Интернет – двигатель современной торговли (экономики)») и т.д.

Тем не менее, учитывая вышесказанное, мы считаем возможным предположить, что отдельные проблемы правового регулирования электронной среды определяются недостаточным вниманием к базовым явлениям и исходным категориям, которые определяют каркас, основу ее функционирования. К числу таковых, безусловно, как это было сказано нами выше, относится личность (человек, физическое лицо), вступающая в цифровые отношения.

В целях решения вопроса об определении правосубъектности физических лиц как участников правовых отношений в цифровой сфере нам необходимо осуществить изучение литературы, посвященной указанной проблематике, установить догматические подходы к решению проблемы, провести системный анализ отечественного законодательства для определения текущего уровня правового регулирования, сравнить отечественный и зарубежный опыт. В своей совокупности представленные методы должны способствовать достижению указанной цели.

2.2. Обзор литературы

Отечественная и зарубежная литература достаточно широко освещает проблемы личности в цифровом пространстве. Предсказанные изменения в результате формирования постиндустриального общества [7, р. 32] в современном нам мире находят свое реальное выражение. Исследователями отмечается, что способы коммуникации между людьми вследствие воздействия цифровых технологий, как это не может показаться парадоксальным, упрощаются и даже деградируют, изменяются исходные компоненты самой коммуникации, формируется измененное сознание, стиль и характер принятия решений. При этом Интернет продолжает восприниматься как пространство личной свободы и свободы самовыражения, вот почему страх утраты приватности становится предметом наибольшего обсуждения.

Фокус внимания научных публикаций в указанной сфере концентрируется, с одной стороны, на проблеме способности правовых средств встать на защиту человека в ситуации, когда цифровые технологии осуществляют прорывное развитие, с другой стороны, на опасностях, проистекающих из неправомерного использования цифровых технологий государствами и третьими лицами, в руках которых оказываются широкие возможности по слежению за гражданами и вторжению в их частную жизнь.

В значительной части научных статей первой из указанных категорий отмечается неспособность национального законодательства адекватно защищать права граждан в цифровой среде. Опасение ученых, в частности, вызывает исходная проблема правового статуса информации, размещаемой пользователями в сети Интернет, а также возможности её использования «цифровыми гигантами» и органами власти [8 – 11]. Киберпсихологи и киберкриминологи активно изучают психологические аспекты виктимизации граждан в цифровой среде [12 – 14]. Многие исследователи радуются за создание правовых механизмов защиты граждан в сети Интернет как развитие нормативных положений демократических конституций, гарантирующих право личности на частную жизнь. Так, для США указанная проблематика обсуждается в свете реализации Четвертой поправки к Конституции США [15; 16]. Поскольку цифровые данные, хранящиеся у операторов связи, дают возможность раскрытия всей жизни человека, исследователи обращают внимание как на аспекты законности при осуществлении слежки за конкретными персоналиями [17], так и массового перехвата данных [18]. В европейской литературе массовая слежка в сети Интернет широко обсуждается ввиду принятия знаковых решений по этому вопросу в Европейском суде по правам человека и Суде Европейского союза [19]. Трендом последнего времени также стало обсуждение законодательных аспектов технологий распознавания лиц (FRT) [20; 21].

Российская юридическая общественность, следуя в общем тренде науки, также исследует объективные закономерности влияния информационно-телекоммуникационных технологий на правовое положение личности. Однако, как правило, указанные вопросы изучаются во вторую очередь – как следствие, проистекающее из авторского интереса к проблематике информационного общества, электронной демократии, электронного правительства, информационной безопасности, защите персональных данных и смежных явлений современного общественно-политического развития. Изучение массива научных работ по юридической проблематике позволяет говорить о диспропорциональном внимании к узким проблемам гражданско-, уголовно- и административно-правового характера, с одной стороны, и недостаточное общетеоретическое осмысление правового положения человека в системе правовых отношений, с другой стороны (в том числе, с позиций, как это и не странно, информационного права) [22 – 27]. Таким образом, для большинства публикаций как отечественных, так и зарубежных авторов характерно либо поверхностное, обобщенно абстрактное или, напротив, точечное внимание к отдельным вопросам правового регулирования статуса личности в цифровую эпоху.

2.3. Место физического лица в ряду субъектов правовых отношений в цифровой сфере

В отраслевой литературе вопрос о субъектах правовых отношений освещается авторами по-разному. Академические учебники по информационному и цифровому праву в основном исходят из общеправового понимания субъекта правовых отношений. Так, В.А. Копылов выделяет общих субъектов информационного права (орган государственной власти или местного самоуправления, юридическое или физическое лицо) [28]. А.А. Тедеев дополняет указанный перечень, включая в него государство (Российская Федерация), субъект РФ, муниципальное образование [29, с. 29–30]. Однако чаще всего, говоря о субъектах права, ученые-отраслевые дифференцируют их на индивидуальных и коллективных, обращая особое внимание на их функциональное разграничение. Так, И.А. Цинделиани, упоминая о традиционном определении в качестве субъектов права индивидуальных и коллективных участников правоотношений, далее обращается к виртуальным или «цифровым личностям», роботам и прочим особым субъектам цифрового права, которых, однако, не встраивает в общую систему субъектов права [30, с. 83–92]. С.Г. Чубукова предлагает разделять публичных субъектов (публичные образования) и коллективные субъекты, осуществляющие властные полномочия [31, с. 49], что, с общеправовой точки зрения, представляется необоснованным. Для понимания специфики правовых отношений в цифровой сфере более значима функциональная классификация, которая выделяет производителей, потребителей и обладателей информации, информационных ресурсов, информационных продуктов, информационных услуг, информационных систем, технологий и средств их обеспечения [32, с. 43–44]. Функциональная классификация может быть объединена с исходной субъектной дифференциацией, при которой за физическими и юридическими лицами закрепляются вышеуказанные роли [33]. Отдельный интерес представляет установление места электронных лиц [34], искусственного интеллекта [35], роботов [36] и других участников правовых отношений в цифровой сфере.

Говоря о месте физических лиц в ряду других субъектов правовых отношений в цифровой сфере, необходимо базироваться на двух важных теоретических посылах.

Во-первых, нам видится достаточно спорным выделение отдельных отраслевых субъектов права. Как справедливо отмечает С.И. Архипов, правосубъектность – это родовая связь лица с правопорядком, осуществляя разные правовые функции в различных видах правовых отношений, субъект права наделяется дополнительными свойствами, определяющими особенности его правосубъектности, но сохраняет при этом свою целостность вне зависимости от подверженности отраслевому регулированию [37, с. 23]. К примеру, физическое лицо может выступать автором, поставщиком, обладателем информации или информационного ресурса, а также его конечным пользователем потребителем. Исходя из сказанного, важно определить каким образом правосубъектность физического лица изменяется при вовлечении его в сферу цифровых правоотношений.

Во-вторых, мы считаем принципиально важным разделение понятий «субъект правоотношения в цифровой сфере» и «субъект цифрового права». Субъектами цифрового права могут быть названы все лица, на которых направлено действие соответствующих правовых норм, однако отдельные субъекты не могут вступать в конкретные регулируемые информационно-правовыми нормами правоотношения, и более того, в отношении некоторых субъектов оправданно целенаправленное введение таких ограничений. Так, например, несовершеннолетние граждане, как и все физические лица, являются субъектами цифрового права, однако участие их в определенных видах отношений в сети Интернет может и должно ограничиваться, в частности, для обеспечения их нравственности и физического здоровья.

2.4. Правосубъектность физического лица в системе цифровых правоотношений

Применительно к человеку юриспруденция традиционно оперирует несколькими понятиями: «личность», «физическое лицо», «гражданин», «иностранный гражданин», «апатрид», «бипатрид», однако применительно к цифровой сфере оправданно обратиться, прежде всего, внимание на личность, сущность человека и как биологического, и как социального существа. Природные качества человека в социальном общении обретают особое звучание и наделяют его статусом личности. Диалектическое единство структуры личности образуют сознание, воля и способность к деятельности [38, с. 202]. Каждый из указанных компонентов в цифровом пространстве подвергается существенному изменению.

В первую очередь, исследователи-футурологи предупреждают от опасности трансгуманистической трансформации человечества, в результате которой будет явлен «новый человек», созданный посредством слияния собственного физического тела с электронными механизмами и получающий в результате этого более широкий круг неких возможностей. Речь, в частности, идет о возможной записи личных данных человека на размещаемых в его теле электронных носителях [39]. Подобное изменение биологической сущности человека в настоящее время уже не кажется слишком далеким будущим.

Во-вторых, социально обусловленная структура личности под влиянием информационных технологий также подвергается существенному изменению. «Постоянное использование цифровых технологий, – пишет В.В. Миронов, – меняет стиль мышления людей, все большая часть из них приобретает так называемое клиповое сознание, которое неизбежно отражается на стиле и характере принятия решений в правовой сфере» [40, с. 36]. Исследователи предостерегают, что поскольку киберпространство становится более интерактивным, более чувственным и повсеместным, способ концептуализации и изложения законодательства с течением времени может становиться все менее и менее текстовым (письменным) и больше похожим на традиционные формы выражения норм и правил поведения в устных обществах (как например, песня или танец) [41, р. 42].

Наконец, исходная базовая особенность влияния виртуального пространства на человеческую личность выражается в изменении самой его идентичности [42, р. 159]. Для правовой сферы традиционно присуще разграничение статусов граждан своего государства, иностранных граждан и лиц без гражданства. В общегуманистическом контексте, в сфере соблюдения личных прав указанное деление не имеет существенного значения, однако в сфере политической жизни, национальной безопасности особая политико-правовая связь человека и государства приобретает принципиальное значение, обуславливая саму возможность существования государства, определяя сущность национального суверенитета. При вовлечении человека в цифровую сферу указанные границы стираются, в силу чего в современных публикациях принято терминологическое разграничение человеческой личности в реальном мире (Citizen) и сетевом мире (Netizen), подчеркивающее, с одной стороны, одновременное существование двух человеческих сущностей: в реальном мире и сети Интернет, а с другой стороны, обращая внимание умозрительность, условность границ государств и обществ в цифровой сфере [43].

С учетом сказанного необходимо подходить и к вопросу о правосубъектности физического лица в системе цифровых отношений. Традиционно юридическая наука определяет ее в качестве триединства таких компонентов как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность, однако поскольку несение ответственности за всякую деятельность рассматривается как обязанность лица претерпевать определенные лишения морального, физического или материального характера, деликтоспособность (способность нести предусмотренную правом ответственность за свои действия) можно рассматривать элементом дееспособности [2, с. 399].

2.5. Нормативное регулирование правоспособности и дееспособности физических лиц в цифровой сфере

Под правоспособностью понимается способность индивида иметь субъективные права и юридические обязанности, обусловленные нормами права. Указанная способность определяется в качестве абстрактной, постулируемой возможности осуществления определенных действий в будущем. Согласно ч. 2 ст. 17 ГК РФ правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью.

Дееспособность субъекта права означает способность лица своими личными действиями осуществлять субъективные права и нести юридические обязанности. Для установления дееспособности лица в правовой сфере принципиально важное значение имеет определение его возраста и психического состояния. Так, гражданская дееспособность наступает с момента совершеннолетия лица, т.е. 18 лет (п.1 ст. 21 ГК РФ), привлечение к административной ответственности возможно с 16 лет (ст. 2.3 КоАП РФ), общий возраст уголовной ответственности составляет также 16 лет, а по ряду составов – с 14 лет (ст. 20 УК РФ).

В цифровой сфере реализация нормативных положений, определяющих правоспособность и дееспособность лица, сталкивается с проявлением особенностей цифровой реальности и требует решения проблемы идентификации личности. На первый взгляд, указанная сложность не касается правоспособности, однако если вести речь не только о гражданско-правовом ее понимании, а, например, об избирательной правоспособности, то момент ее возникновения неизбежно увязывается с появлением у лица гражданства или вида на жительство в России, поскольку 10 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» предусматривает возможность участия в выборах не только граждан России, но и иностранных граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего муниципального образования (применительно к выборам в органы местного самоуправления или участия в местном референдуме) [44]. В настоящее время, когда речь все чаще ведется о проведении выборов в электронной среде, решение указанного вопроса становится все более актуальным.

Что касается дееспособности, то здесь ситуация обстоит еще более сложно, поскольку совершение многих действий в сети Интернет, несмотря на относительную их простоту, требует осознания со стороны пользователей правовой сути и последствий происходящего – начиная от совершения гражданско-правовых сделок, например, покупок в Интернет-магазинах, и заканчивая деяниями, граничащими с уголовно-правовой сферой, к примеру, кибербуллинг. Актуальность этой проблемы ярко подчеркивается количеством страниц, которые выдают поисковые системы на запрос «ребенок купил... как вернуть деньги», что говорит о массовом характере происходящего, но не регулируемого правом.

Таким образом, для обеспечения допуска физических лиц к широкому спектру общественных отношений, возникающих в цифровой сфере, требует своего решения вопрос установления и правоспособности, и дееспособности личности в цифровом пространстве.

Прежде всего, следует отметить, что в виртуальной среде человек может создавать множество цифровых образов, своих цифровых двойников, виртуальных личностей, которые не совпадают с объектами реального мира [1, с. 6]. Особое звучание в этом контексте приобретает фраза Дугласа Коуплэнда «Вы – это не Ваше тело» (You are not your body) [45], что означает отсутствие прямой взаимосвязи физического лица с его цифровым образом: мужчина может выдавать себя за женщину, ребенок – за взрослого и т.д. [41, р. 43]. Многие сторонники концепции интернет-общества (Net society) отстаивают важность сохранения ключевых характеристик киберпространства как сферы, в которой люди способны избегать ограничений, обусловленных физическими и культурными условиями своей жизни, создавая образы тех людей, кем они хотят быть, а не тех, кем они

фактически являются [46, р. 145]. В результате возникает мультипликационный эффект цифровых технологий: цифровых личностей в сети Интернет может быть в десятки и сотни раз больше, чем реальных личностей на планете (даже если принимать во внимание исключенность значительной части населения из интернет-коммуникаций).

Эффект мультипликации порождает и явные негативные аспекты, начиная с затрудненностью ограничения доступа несовершеннолетних к ресурсам, которые могут нанести вред их нравственному состоянию, здоровью и жизни, и заканчивая необходимостью пресечения совершения противоправных действий субъектами, установление личности которых затруднено. Проблема идентификации может разрешаться в двух кардинально противоположных сценариях: по одному из них Интернет рассматривается как зона свободы, не допускающая вмешательства государства, частных или публичных интернет-корпораций, а равно кого бы то ни было; по-другому, напротив, органам власти вменяется в обязанность решение задачи идентификации личности путем обеспечения доступа к сети Интернет исключительно по персональным идентификаторам.

Проблема идентификации пользователей возникла одновременно с осознанием необходимости правового регулирования отношений в сети Интернет, однако до сих пор она не нашла своего решения. С технической стороны установление личности пользователя возможно различными способами, начиная от однофакторной идентификации по логину/паролю и заканчивая многофакторной проверкой по нескольким взаимосвязанным каналам, включая проверку по биометрическим данным. При этом любые способы решения указанной задачи не свободны от рисков утечки сведений, потери значимой информации и завладения ими третьими лицами. Как считают исследователи, технические средства позволяют создать лишь юридическую фикцию определенности интернет-пользователя, однако не способны окончательно идентифицировать субъекта правоотношений [25, с. 24 – 25; 1, с. 7], снижая тем самым вопрос факта (достоверно установленная личность) до вопроса права (личность, признаваемая юридически определенной и установленной). В современных условиях на практике проблема идентификации субъекта правоотношений решается либо частно-правовыми способами (электронная подпись) либо публично-правовыми способами (допуск к сети «Интернет» по идентификационным данным) [25, с. 24 - 25]. При этом личность пользователя и в том, и в другом случае презюмируется (предполагается) установленной, поскольку фиксируется лишь формальная сторона, процедура идентификации, а вероятностному установлению личности человека придается характер юридически достоверного факта, т.е. создается правовая фикция.

В коммерческой сфере проблема идентификации пользователей достаточно давно опробована в силу необходимости обеспечения коммерциализации производимых продуктов. Примером тому является обеспечение доступа пользователей технических изделий или программных продуктов через единый аккаунт, обеспечивающий хранение всех данных, связанных с конкретным пользователем (например, Apple-ID, аккаунт Google, Huawei-ID и др.). В тоже время указанное решение не имеет универсального характера, поскольку идентификация пользователя в бизнес-среде, прежде всего, имеет целью получения денежных средств от пользователей и рекламодателей, что не подразумевает абсолютной достоверности информации о пользователе. Более того, в случае использования алгоритмов шифрования и децентрализованных сетей, построенных по принципу анонимности, установление личности пользователей становится практически невозможным.

Вместе с тем, нам видится перспективным развитие отечественного законодательства по пути регистрации физических лиц для обеспечения доступа пользователей в сеть Интернет. Начало научной и законодательной дискуссии в данном направлении уже положено.

В частности, в 2018 году Государственной Думой России рассматривался законопроект о внесении соответствующих изменений в Федеральный закон «Об информации,

информационных технологиях и о защите информации» (проект федерального закона № 369029-7), предусматривавший обязанность владельцев социальных сетей обеспечивать доступ к ним путем регистрации физических лиц по паспортным данным. На текущий момент времени реализация подобных инициатив сталкивается с проблемой отсутствия в электронной форме у граждан Российской Федерации документов, удостоверяющих их личность, однако возможность такой идентификации в перспективе может быть осуществлена с использованием в качестве единой точки доступа портала госуслуг, что уже имеет свою апробацию в программных продуктах Сбера, Ренессанс Страхования и др. Кроме того, обсуждается возможность технического создания и законодательного регулирования единой биометрической системы, доступ к которой могут получить государственные органы, органы местного самоуправления, индивидуальные предприниматели, нотариусы и организации [47].

С проблемой идентификации личности тесно связан и вопрос приобретения прав и обязанностей не только под своим именем, но и в случаях, и в порядке, предусмотренных законом, под вымышленным именем (псевдонимом). Таковое возможно согласно статьям 18 и 1265 ГК РФ, однако специальное правовое регулирование этой сферы на данный момент не выработано, что на практике выразилось в обеспечении гражданско-правовых средств защиты псевдонимов и никнеймов, используемых в Интернете, путем регистрация указанных идентификаторов в качестве товарных знаков. Несмотря на то, что согласно п. 4 ст. 1259 ГК РФ для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей, в Суде по интеллектуальным правам ежегодно рассматриваются десятки споров о признании недействительными решений Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента) о предоставлении правовой охраны таким товарным знакам.

Еще одним вопросом, требующим своего решения, является проблема продолжения существования виртуального двойника человеческой личности и после смерти человека в реальном мире. Такое «переживание» может иметь как позитивное (нейтральное) проявление (например, индекс цитируемости умерших авторов продолжает расти, несмотря на прекращение ими научной деятельности), так и иметь ярко выраженную негативную коннотацию (использование доброго имени, репутации умершего в противоправных целях другими людьми).

Уже сейчас в законодательстве некоторых стран, в том числе в России, нашло свое отражение так называемое право на забвение (right to be forgotten), которое у нас, однако, реализуется активным поведением самого носителя права. Так, в 2015 году в законодательство было внесено правомочие гражданина (физического лица) потребовать от оператора поисковой системы, распространяющей в сети Интернет рекламу, прекращения выдачи сведений, позволяющих получить доступ к информации о заявителе [48]. Между тем, с учетом обязанности доказывания факта нарушения законодательства Российской Федерации, недостоверности, неактуальности информации, утраты ею значения для заявителя в силу последующих событий или его действий, указанное правомочие можно охарактеризовать скорее, как обязанность быть в Интернете, а не право быть им забытым.

Также современное российское законодательство никак не регулирует право на цифровую смерть, которое, исходя из понимания цифрового образа реального человека как объекта его персональных данных, уже нашло свое отражение в законодательстве некоторых западных странах. В частности, во Франции Законом 2016 года «О цифровой республике» на поставщиков услуг онлайн-коммуникации наложена обязанность информировать пользователей о сортировке данных после их смерти [49]. Нам видится, что установление обязанности оператора поисковой системы или обработки персональных данных по предупреждению нарушения прав человека путем обеспечения как права на забвение, так и права на цифровую смерть, является более предпочтительным, нежели

обязывание самого человека инициировать удаление соответствующих данных из сети Интернет.

Таким образом, уже в базовых, исходных категориях правосубъектности физического лица в цифровой среде, мы находим существенные пробелы, что уже на текущий момент времени порождает проблемы в реализации многих прав граждан. Существенная часть таких проблем имеет скрытый характер, и либо не осознается гражданами, либо сознательно ими игнорируется, что в перспективе может создать лавинообразный эффект нарастания проблем социального регулирования, начиная от межличностных конфликтов в социальных сетях и заканчивая массовыми утечками персональных данных пользователей разнообразных программных продуктов и технических изделий.

3. Заключение

Изложенные выше пробелы в праве и отдельные проблемы неурегулированности правового положения субъектов общественных отношений в цифровом пространстве свидетельствуют не об отсутствии внимания к ним со стороны законодателей или правоприменителей, а высокой сложности самой сущности указанных обстоятельств и возникающих в связи с этим правовых последствий. Отсутствие комплексных решений и несформированность общего подхода к регулированию правосубъектности физических лиц, как и правосубъектности всего множества участников отношений в цифровой среде, как было сказано выше, имеет долговременные негативные последствия. В этой связи, как нам представляется, необходима выработка общих законодательных и правоприменительных подходов, базирующихся на следующих ключевых тезисах:

Правосубъектность человека в цифровом пространстве является закономерным продолжением его правосубъектности в реальном мире. В этой связи требуется не простая констатация указанного факта, а конкретные, взвешенные решения, принимающие во внимание особенности цифровой среды и вытекающие отсюда юридические последствия, касающиеся определения правоспособности и дееспособности участников общественных отношений. Указанные решения должны находить свое отражение в едином комплексном нормативном правовом акте, нацеленном на системное регулирование общественных отношений в цифровой сфере (например, Цифровом кодексе России). В указанном акте должны найти свое отражение запрет массовой слежки за гражданами, запрещение сегрегации граждан в зависимости от их желания или возможностей использования цифровой среды, умаления прав и свобод человека, которые установлены нормами международного права и Конституцией России, требует своего решения вопрос об использовании искусственного интеллекта для принятия юридически значимых решений в отношении граждан и т.д.

Законодательное решение относительно установления личности пользователей в сети Интернет, с нашей точки зрения, должно предусматривать, как максимум, вообще доступ в цифровое пространство или, как минимум, доступ к наиболее значимым ресурсам (например, государственным и муниципальным услугам) посредством конфиденциальных персональных идентификаторов и механизмов, включающих в себя возможность многофакторной аутентификации, в том числе по биометрическим данным. Технологические решения указанной задачи также должны находить свою правовую легализацию.

Персональные идентификаторы личности, реализующей свою правосубъектность в цифровом пространстве, в том числе имя пользователя (nickname), должны быть защищены правовыми средствами, чтобы обеспечивать возможность их использования только теми, кому они принадлежат по праву. Нам видится неверным выработанное правоприменительной практикой решение указанного вопроса по аналогии не с авторским правом, с которым генерация информации в сети Интернет наиболее связана по сущности, а объектами интеллектуальной собственности в промышленной сфере, где принято

предоставление защиты объектам, зарегистрированным и защищенным соответствующим патентом.

Помимо регулирования персональных данных отечественное законодательство должно быть дополнено нормами, определяющими характер и порядок использования, так называемых, вычисляемых данных, которые также позволяют идентифицировать лицо, путем обеспечения сбора о нем косвенных сведений. Предоставляя согласие в пользовательских соглашениях с производителями программных продуктов, граждане зачастую дают им широкие возможности для использования получаемых сведений в различных коммерческих целях. Таким образом, существующие реалии построения отношений в цифровой среде подразумевают практически неограниченные возможности доступа к информации, генерируемой пользователями сети Интернет, со стороны операторов поисковых систем и обработки персональных данных, прежде всего «цифровых гигантов», в то время как государство в лице его органов существенным образом ограничено в таковом. Данное обстоятельство осложняет как позитивное правоприменение, так и выявление, раскрытие и расследование преступлений и иных правонарушений, совершаемых пользователями сети Интернет.

Цифровые права и обязанности пользователей сети Интернет должны быть приведены в систему, увязанную, прежде всего, с возрастным и гражданско-правовым статусом лица. Парадокс существующего регулирования состоит в том, что множество общественных отношений, недоступных для несовершеннолетних в реальном мире (покупка определенных товаров, получение информации, содержащей возрастные ограничения и т.д.), становятся абсолютно открытыми для них в цифровом пространстве. Параллельного решения требуют вопросы урегулированности административно-правового и уголовно-правового статуса физических лиц в отношениях, возникающих в сети Интернет.

Право на забвение, право на цифровую смерть и другие цифровые права должны найти свое системное отражение в отечественном законодательстве наряду с другими правами граждан. Обеспечение их соблюдения должно вменяться в обязанность субъектов обработки персональных данных, а не самих пользователей сети Интернет. В противном случае защита цифровых прав граждан как таковая становится нереализуемой задачей, поскольку сложности правоприменения и инициативного характера использования сводят на нет возможность их практической реализации.

Таким образом, в условиях стремительного развития цифровых технологий законодательное регулирование правосубъектности физических лиц в информационно-телекоммуникационной среде становится насущной потребностью современного российского общества. С сожалением приходится констатировать, что в период развития научно-технического прогресса человек, ценность прав которого признается наивысшим приоритетом современного государства и общества, отходит на второй план. Указанная тенденция не является уникальной и исключительной для России, поскольку ценностные предпочтения Интернет-среды как пространства свободы и свободного самовыражения сталкиваются здесь с пугающим многих опытом познания двойственности данной сферы, в силу чего учащаются взывания к сильным мира сего и призывы к установлению порядка [50, с. 23]. Между тем, достижение баланса национальных интересов и свободы отдельной личности может и должно возлагаться на государство, альтернативы которому человечество на данный момент не выработало.

Права человека в цифровой среде являются конкретизацией универсальных прав человека, гарантированных международным правом и Конституцией России, применительно к потребностям человека и гражданина в информационном обществе. В силу этого даже в отечественной конституционной доктрине, традиционно тяготеющей к консервативному миропониманию, постепенно формируется осознанное стремление к обеспечению оптимального уровня регулирования цифровых прав человека [51].

Между тем, система правового регулирования продолжает сохранять инерционность в оценке происходящих изменений, оставаясь в состоянии догоняющего по отношению к новациям в сфере высоких технологий. Выработка общих подходов к регулированию цифровых отношений не умаляет важности индивидуализации правоприменения, поэтому следует избегать абсолютизации и шаблонности решений по конкретным ситуациям, что означает необходимость дальнейшей работы над предметом настоящего исследования.

Литература

- [1] Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 5 – 17.
- [2] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2009. 541 с.
- [3] Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 464.
- [4] Кузнецова О.А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. №4 (26). С. 254-270.
- [5] Без чего на свете не прожить? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bez-chego-na-svete-ne-prozhit> (дата обращения: 15.02.2021).
- [6] Персональные данные в интернете: возможности и риски. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-vozmozhnosti-i-riski> (дата обращения: 15.02.2021).
- [7] Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture of Social Forecasting. New York, 1973. 507 p.
- [8] Cover A.Y. Corporate Avatars and the Erosion of the Populist Fourth Amendment // Iowa Law Review. 2015. Vol. 100(4). P. 1441 – 1502.
- [9] Grodzinsky F.S., Tavani H. T. P2P Networks and the Verizon v. RIAA Case: Implications for Personal Privacy and Intellectual Property // Ethics and Information Technology. 2005. Vol. 7(4). P. 243 – 250.
- [10] Peppet S.R. Regulating the Internet of Things: First Steps Toward Managing Discrimination, Privacy, Security, and Consent // Texas Law Review. 2014. Vol. 93(1). P. 85 – 178.
- [11] Roberts A. Privacy, Data Retention and Domination: Digital Rights Ireland Ltd v Minister for Communications // Modern Law Review. 2015. Vol. 78(3). P. 535 – 548.
- [12] Alonso C., Romero E. Aggressors and Victims in Bullying and Cyberbullying: A Study of Personality Profiles using the Five-Factor Model // The Spanish Journal of Psychology. 2017. Vol. 20, E76.
- [13] Ahuja V., Alavi, Sh. Cyber psychology and cyber behaviour of adolescents-the need of the contemporary era // Procedia Computer Science. 2017. Vol. 122. P. 671 – 676. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050917326704> (дата обращения: 15.02.2021).
- [14] Hadlington L. Human factors in cybersecurity; examining the link between Internet addiction, impulsivity, attitudes towards cybersecurity, and risky cybersecurity behaviours // Heliyon. 2017. Vol. 3 (7). URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844017309982> (дата обращения: 15.02.2021).
- [15] Kerr O.S. Applying The Fourth Amendment to The Internet: A General Approach // Stanford Law Review. 2010. Vol. 62(4). P. 1005 – 1049.
- [16] Garlinger P.P. Privacy, Free Speech, and The Patriot Act: First and Fourth Amendment Limits on National Security Letters // New York University Law Review. 2009. Vol. 84 (4). P. 1105 – 1147.
- [17] Desai D.R. Constitutional Limits on Surveillance: Associational Freedom in The Age of Data Hoarding // Notre Dame Law Review. 2014. Vol. 90 (2). P. 579 – 632.

- [18] Golubok S. Roman Zakharov v. Russia: Big Brother Under Control? // *Journal for Constitutionalism and Human Rights*. 2015. Vol. 34 (8). P. 20 – 26.
- [19] Русинова В. Легализация «массовой слежки» Европейским Судом по правам человека: что стоит за постановлением по делу Биг Бразер Вотч и другие против Соединённого Королевства? // *Международное правосудие*. 2018. № 4 (28). С. 3 – 20.
- [20] Ruhrmann H. Protecting human rights in policy strategies for facial recognition technology in law enforcement. Case Studies from the United Kingdom and the United States // *CITRIS Policy Lab*. 2019. URL: https://citripolicylab.org/wp-content/uploads/2019/09/Facing-theFuture_Ruhrmann_CITRIS-Policy-Lab.pdf (дата обращения: 15.02.2021).
- [21] Amelin R., Channov S. On the Legal Issues of Face Processing Technologies // Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O., Musabirov, I. (Eds.) *DTGS*. 2020. P. 223 – 236. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-65218-0_17 (дата обращения: 15.02.2021).
- [22] Анисимова А.С. Механизм правового регулирования интернет-отношений: проблемы теории и практики: Дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 222 с.
- [23] Грибанов Д.В. Правовое регулирование кибернетического пространства как совокупности информационных отношений: Дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 227 с.
- [24] Черемисинова М.Е. Правовой статус субъектов в сети Интернет: Дис... канд. юрид. наук. М., 2020. 273 с.
- [25] Азизов Р.Ф. о глы Правовое регулирование в сети интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: Дис... докт. юрид. наук. СПб., 2016. 331 с.
- [26] Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Дис... докт. юрид. наук. М., 2019. 394 с.
- [27] Рассолов, И.М. Право и интернет: теоретические проблемы: Дис... докт. юрид. наук. М., 2008. 357 с.
- [28] Копылов В.А. Информационное право: учебник. М.: Юристъ, 2002. URL: http://telecomlaw.ru/studyguides/infolaw/kopylov_2002.pdf (дата обращения: 29.03.2021)
- [29] Информационное право: учебник для вузов / М.А. Федотов [и др.] ; под редакцией М.А. Федотова. М.: Юрайт, 2020. 497 с.
- [30] Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.
- [31] Чубукова С.Г. Понятия и виды субъектов информационных правоотношений // Информационные правоотношения: теоретические аспекты: коллективная монография / под ред. И.М. Рассолова. М.: Проспект, 2017. 208 с.
- [32] Информационное право: учебник для вузов / Н.Н. Ковалева [и др.] ; под редакцией Н.Н. Ковалевой. М.: Юрайт, 2021. 353 с.
- [33] Жарова А.К. О необходимости правовой классификации операторов сети Интернет // *Бизнес-информатика*. 2011. №3 (17). С. 60 – 65.
- [34] Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // *Труды Института государства и права РАН*. 2018. Т. 13, № 2. С. 36 – 55.
- [35] Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 45 с.
- [36] Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI в // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 435. С. 215 – 233.
- [37] Архипов С. И. Субъекты права (теоретическое исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 48 с.
- [38] Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрайт, 2013. 715 с.

- [39] Таланин В.И. Цели и методы трансгуманистической политики цифровизации // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. 2019. № 1. С. 169 – 171.
- [40] Миронов В.В. Трансформация культур от классической к электронной // Философия искусственного интеллекта. Труды всероссийской междисциплинарной конференции. М.: ИИнтелл, 2017. С. 28 – 36.
- [41] Howes D. e-Legislation: Law-Making in the Digital Age // McGill Law Journal. 2001. Vol.47. P. 39 – 57.
- [42] Meints M., Gasson M. High-Tech ID and Emerging Technologies // The Future of Identity in the Information Society: Challenges and Opportunities / Ed. by: Rannenbergh K., Royer D., Deuker A. London: Springer, 2009. P. 130 – 189.
- [43] Halperin R., Backhouse J. A roadmap for research on identity in the information society // Identity in the Information Society. 2008. Vol. 1 (1). URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12394-008-0004-0> (дата обращения: 15.02.2021)
- [44] Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ (ред. от 09.03.2021, с изм. от 12.03.2021) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 15 июня.
- [45] Coupland D. Life After God. New York: Pocket Books, 1994. 368 p.
- [46] Willson M. Community in the Abstract: A Political and Ethical Dilemma? // Virtual Politics: Identity and Community in Cyberspace / Ed. By D. Holmes. London: Sage, 1997. 256 p.
- [47] Заключение по проекту федерального закона № 946734-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (первое чтение). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/C58BAC22-06A0-4BF5-A331-F0B719DEDAF1> (дата обращения: 15.02.2021)
- [48] Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Российская газета. 2015. 16 июля.
- [49] Закон № 2016-1321 от 7 октября 2016 г. «О цифровой республике». URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/16380> (дата обращения: 20.02.2021).
- [50] Бехманн Г. Концепции информационного общества и социальная роль информации // Политическая наука. 2008. № 2. С. 10 – 28.
- [51] Зорькин В. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета - Столичный выпуск. 2018. № 115(7578).

Legal Personality of Individuals in the System of Digital Relations: the Starting Point of Legal Regulation

E.A. Mamay

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The rapid development of ICT entails a change in the essence of many social relations transferred from the real world to the virtual one. Despite the comprehensive nature of the innovations (electronic digital signature, digital rights, tokenization of civil relations, etc.) legislative regulation of that sphere occurs with a significant time lag. Every year dozens of bills are passed through the profile committee of the Russian Parliament for Information Policy, Information Software and Communications issues, but the federal legislative regulation of digital relations is still fragmented and unsystematic. It is especially clear in the context of legal status of participants in digital relations, including individuals. The purpose of the publication is to substantiate the need for a doctrinal definition and normative regulation of the legal personality

of individuals as participants of legal relations in the digital sphere. The research methodology is based on the formal legal (dogmatic) method of scientific knowledge, system analysis of domestic legislation, comparative and legal analysis of the texts of laws and other documents. The article analyzes the Russian and foreign experience of legal regulation of the legal personality of participants in digital relations. According to the author, the lack of comprehensive solutions and well-formed approaches to regulations in the digital space has long-term negative consequences. Comprehensive solutions to emerging problems should be reflected in a law aimed to common and system regulation of digital relations. Digital rights and obligations of Internet users should be legally linked, first of all, with the age and civil status of a person. At the legislative level, it is necessary to determine the requirements for the procedure and criteria for identifying Internet users, to set up the system for protecting personal information and calculated data that allows to identify an individual by collecting information about him. The solution of these tasks is impossible without general legal regulations, including the requirements for legal personality.

Keywords: Individual, natural person, legal personality, legal capacity, liability, digital identity, digital rights, Internet

Reference for citation: Mamay E.A. Legal Personality of Individuals in the System of Digital Relations: the Starting Point of Legal Regulation // The State and Citizens in the Electronic Environment. Vol. 5 (Proceedings of the XXIV International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2021, St. Petersburg, June 24-26, 2021). - St. Petersburg: ITMO University, 2021. P. 45 – 62. DOI: 10.17586/2541-979X-2021-5-45-62

Reference

- [1] Talapina E.V. Pravo i cifrovizaciya: novye vyzovy i perspektivy // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 2 (254). S. 5 – 17. (In Russian).
- [2] Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: Yurist", 2009. 541 s. (In Russian).
- [3] Syryh V.M. Istorija i metodologija juridicheskoj nauki : uchebnik. M.: Norma : INFRA-M, 2012. 464. (In Russian).
- [4] Kuznecova O.A. Metody nauchnogo issledovanija v civilisticheskikh dissertacijah // Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki. 2014. №4 (26). S. 254 – 270. (In Russian).
- [5] Bez chego na svete ne prozhit? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bez-chego-na-svete-ne-prozhit> (access date: 15.02.2021).
- [6] Personal'nye dannye v internete: vozmozhnosti i riski. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-vozmozhnosti-i-riski> (access date: 15.02.2021).
- [7] Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture of Social Forecasting. New York, 1973. 507 p.
- [8] Cover A.Y. Corporate Avatars and the Erosion of the Populist Fourth Amendment // Iowa Law Review. 2015. № 100(4). P. 1441 – 1502.
- [9] Grodzinsky F.S., Tavani H. T. P2P Networks and the Verizon v. RIAA Case: Implications for Personal Privacy and Intellectual Property // Ethics and Information Technology. 2005. № 7(4). P. 243 – 250.
- [10] Peppet S.R. Regulating the Internet of Things: First Steps Toward Managing Discrimination, Privacy, Security, and Consent // Texas Law Review. 2014. № 93(1). P. 85 – 178.
- [11] Roberts A. Privacy, Data Retention and Domination: Digital Rights Ireland Ltd v Minister for Communications // Modern Law Review. 2015. № 78(3). P. 535 – 548.
- [12] Alonso C., Romero E. Aggressors and Victims in Bullying and Cyberbullying: A Study of Personality Profiles using the Five-Factor Model // The Spanish Journal of Psychology. 2017. № 20, E76.

- [13] Ahuja V., Alavi, Sh. Cyber psychology and cyber behaviour of adolescents-the need of the contemporary era // *Procedia Computer Science*. 2017. Vol. 122. P. 671 – 676. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050917326704> (access date: 15.02.2021).
- [14] Hadlington L. Human factors in cybersecurity; examining the link between Internet addiction, impulsivity, attitudes towards cybersecurity, and risky cybersecurity behaviours // *Heliyon*. 2017. Vol. 3, Issue 7. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844017309982> (access date: 15.02.2021).
- [15] Kerr O.S. Applying The Fourth Amendment to The Internet: A General Approach // *Stanford Law Review*. 2010. № 62(4). P. 1005 – 1049.
- [16] Garlinger P.P. Privacy, Free Speech, and The Patriot Act: First and Fourth Amendment Limits on National Security Letters // *New York University Law Review*. 2009. № 84(4). P. 1105 – 1147.
- [17] Desai D.R. Constitutional Limits on Surveillance: Associational Freedom in The Age of Data Hoarding // *Notre Dame Law Review*. 2014. №90(2). P. 579 – 632.
- [18] Golubok S. Roman Zakharov v. Russia: Big Brother Under Control? // *Journal for Constitutionalism and Human Rights*. 2015. № 34 (8). P. 20 – 26.
- [19] Rusinova V. Legalizatsiya “massovoy slezhki” Evropeyskim Sudom po pravam cheloveka: chto stoit za postanovleniem po delu Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom? // *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2018. № 4 (28). S. 3 – 20. (In Russian).
- [20] Ruhrmann H. Protecting human rights in policy strategies for facial recognition technology in law enforcement. Case Studies from the United Kingdom and the United States // *CITRIS Policy Lab*. 2019. URL: https://citrispolicylab.org/wp-content/uploads/2019/09/Facing-theFuture_Ruhrmann_CITRIS-Policy-Lab.pdf (access date: 15.02.2021).
- [21] Amelin R., Channov S. On the Legal Issues of Face Processing Technologies // *DTGS. 2020 / Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O., Musabirov, I. (Eds.)*. 2020. P. 223 – 236. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-65218-0_17 (access date: 15.02.2021).
- [22] Anisimova A.S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya internet-otnoshenij: problemy teorii i praktiki : Dis... kand. jurid. nauk. Saratov, 2019. 222 s. (In Russian).
- [23] Gribov D.V. Pravovoe regulirovanie kiberneticheskogo prostranstva kak sovokupnosti informacionnyh otnoshenij : Dis... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2003. 227 s. (In Russian).
- [24] Cheremisinova M.E. Pravovoj status sub"ektov v seti Internet : Dis... kand. jurid. nauk. M., 2020. 273 s. (In Russian).
- [25] Azizov, R.F. ogly Pravovoe regulirovanie v seti internet: sravnitel'no- i istoriko-pravovoe issledovanie : Dis... dokt. jurid. nauk. SPb, 2016. 331 s. (In Russian).
- [26] Karchhiya, A.A. Grazhdansko-pravovaya model' regulirovaniya cifrovyyh tekhnologij : Dis... dokt. jurid. nauk. M., 2019. 394 s. (In Russian).
- [27] Rassolov, I.M. Pravo i internet: teoreticheskie problemy : Dis... dokt. jurid. nauk. M., 2008. 357 s. (In Russian).
- [28] Kopylov V.A. Informacionnoe pravo: uchebnik. M.: Yurist", 2002. URL: http://telecomlaw.ru/studyguides/infolaw/kopylov_2002.pdf (access date: 29.03.2021) (In Russian).
- [29] Informacionnoe pravo : uchebnik dlya vuzov / M.A. Fedotov [i dr.] ; pod redakciej M.A. Fedotova. M.: Yurajt, 2020. 497 s. (In Russian).
- [30] Cifrovoe pravo : uchebnik / pod obshch. red. V.V. Blazheeva, M.A. Egorovoj. M.: Prospekt, 2020. 640 s. (In Russian).
- [31] Chubukova S.G. Ponyatiya i vidy sub"ektov informacionnyh pravootnoshenij // *Informacionnye pravootnosheniya: teoreticheskie aspekty : kollektivnaya monografiya / pod red. I.M. Rassolova*. M.: Prospekt, 2017. 208 s. (In Russian).

- [32] Informacionnoe pravo : uchebnik dlya vuzov / N.N. Kovaleva [i dr.] ; pod redakciej N.N. Kovalevoj. M.: Yurajt, 2021. 353 s. (In Russian).
- [33] Zharova A.K. O neobhodimosti pravovoj klassifikacii operatorov seti Internet // *Biznes-informatika*. 2011. №3 (17). S. 60 – 65. (In Russian).
- [34] Yastrebov O.A. Pravosub"ektnost' elektronnoho lica: teoretiko-metodologicheskie podhody // *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2018. T. 13. № 2. S. 36 – 55. (In Russian).
- [35] Morhat P.M. Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noj sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2018. 45 s. (In Russian).
- [36] Gabov A.V., Havanova I.A. Evolyuciya robotov i pravo XXI v // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. № 435. S. 215 – 233. (In Russian).
- [37] Arhipov S.I. Sub"ekty prava (teoreticheskoe issledovanie): Avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2005. 48 s. (In Russian).
- [38] Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik dlya bakalavrov / pod red. V.K. Babaeva. M.: Yurajt, 2013. 715 s. (In Russian).
- [39] Talanin V.I. Celi i metody transgumanisticheskoy politiki cifrovizacii // *Revolyuciya i evolyuciya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, obshchestve*. 2019. № 1. S.169 – 171. (In Russian).
- [40] Mironov V.V. Transformaciya kul'tur ot klassicheskoy k elektronnoj // *Filosofiya iskusstvennogo intellekta. Trudy vserossijskoj mezhdisciplinarnoj konferencii*. M.: IIntell, 2017. S. 28 – 36. (In Russian).
- [41] Howes D. e-Legislation: Law-Making in the Digital Age // *McGill Law Journal*. 2001. Vol.47. P. 39 – 57.
- [42] Meints M., Gasson M. High-Tech ID and Emerging Technologies // *The Future of Identity in the Information Society: Challenges and Opportunities* / Ed. by: Rannenber K., Royer D., Deuker A. London: Springer, 2009. P. 130 – 189.
- [43] Halperin R., Backhouse J. A roadmap for research on identity in the information society // *Identity in the Information Society*. 2008. Vol. 1(1). URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12394-008-0004-0> (access date: 15.02.2021).
- [44] Federal'nyj zakon ot 12 iyunya 2002 goda № 67-FZ (red. ot 09.03.2021, s izm. ot 12.03.2021) «Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii» // *Rossijskaya gazeta*. 2002. 15 iyunya. (In Russian).
- [45] Coupland D. *Life After God*. New York: Pocket Books, 1994. 368 p.
- [46] Willson M. Community in the Abstract: A Political and Ethical Dilemma? // *Virtual Politics: Identity and Community in Cyberspace* / Ed. by D. Holmes. London: Sage, 1997. 256 p.
- [47] Zaklyuchenie po projektu federal'nogo zakona № 946734-7 «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii» (pervoe chtenie). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/C58BAC22-06A0-4BF5-A331-F0B719DEDAF1> (access date: 15.02.2021) (In Russian).
- [48] Federal'nyj zakon ot 13 iyulya 2015 goda № 264-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii» i stat'i 29 i 402 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii // *Rossijskaya gazeta*. 2015. 16 iyulya. (In Russian).
- [49] Zakon № 2016-1321 ot 7 oktyabrya 2016 g. «O cifrovoj respublike». URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/16380> (access date: 20.02.2021) (In Russian).
- [50] Bekhmann G. *Koncepcii informacionnogo obshchestva i social'naya rol' informacii* // *Politicheskaya nauka*. 2008. № 2. S. 10 – 28. (In Russian).
- [51] Zor'kin V. Pravo v cifrovom mire. Razmyshlenie na polyah Peterburgskogo mezhdunarodnogo juridicheskogo foruma // *Rossijskaya gazeta - Stolichnyj vypusk*. 2018. № 115(7578). (In Russian).